

КРЕЩЕННЫЕ ВОТЯКИ КАЗАНСКАГО УЪЗДА.

ИХЪ ЯЗЫЧЕСКІЕ ПОВѢРЬЯ, ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ.

(ЭТНОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

Въ казанскомъ уѣздѣ только въ приходѣ села Апазова имѣются крещенные вотяки; въ другихъ же приходѣхъ этого уѣзда вотяковъ вовсе нѣтъ. Въ настоящее время вотяковъ въ апазовскомъ приходѣ 400 душъ съ небольшимъ; они населяютъ деревни Большая и Малая Язвиза, Эракъ-Чурму и Гондырево. Но до 1832 года къ апазовскому приходу принадлежали вотяки вятской губерніи уржумскаго и малмыжскаго уѣздовъ, нынѣ составляющіе приходы циньинскій и мамсинерскій (вятской губерніи). Есть еще въ приходѣ села Апазова вотяки, переселившіеся сюда изъ мамадышскаго уѣзда, бывшіе прихожане села Паника.

Вотяки апазовскаго прихода просвѣщены святымъ крещеніемъ недавно, лѣтъ 80—120 тому назадъ; только нѣсколько семействъ крещены 200 лѣтъ тому назадъ, такъ что и теперь въ нѣкоторыхъ семействахъ живы еще перво-крещены. Что касается такихъ, у которыхъ крещеніе получили дѣды, то ихъ очень много. Въслѣдствіе ли этой недавности просвѣщенія, или въслѣдствіе другихъ причинъ, религіозно - нравственное состояніе вотяковъ апазовскаго прихода не имѣетъ вполне христіанскаго характера. Хотя они и исполняютъ все христіанскіе таинства и обряды, но въ то же время они не оставляютъ и своихъ древне-языческихъ обычаевъ. Христіанскіе обряды исполняются ими, такъ сказать, болѣе для формы. Въ послѣдн е время, въслѣдствіе распространенія между ними гра-

матности, начинаетъ обнаруживаться сильный поворотъ къ христіанскому образу жизни, какъ объ этомъ можно судить на основаніи ихъ отношенія къ христіанскимъ молитвословіямъ, которыя вотяки произносятъ съ глубокимъ чувствомъ. Въ вотякахъ же, приверженныхъ къ языческимъ обычаямъ, замѣчается полнѣйшее невниманіе къ христіанскимъ молитвамъ и холодность къ христіанской вѣрѣ. Причина этого, какъ можно судить на основаніи ихъ собственныхъ словъ, заключалась въ томъ, что дѣды ихъ крестились большею частію въ избѣжаніе рекрутской повинности или по притѣвленію мѣстнаго причта, не будучи предварительно нисколько ознакомлены съ ученіемъ христіанской вѣры.

Крещенные вотяки вѣруютъ въ доброе и злое божества: доброе божество есть духъ дающій людямъ все доброе и смотрящій за всѣмъ въ мірѣ. Онъ живетъ вверху — на небѣ и называется „Иифмаръ“ (что на небѣ), — названіе равносильное названію „Богъ“. Злое божество они называютъ „Лутъ“ (кереметь). Духъ этотъ, или духи эти (ихъ много) живутъ въ рощахъ, которыя у вотяковъ неприкосновенны. Если кто осмѣлится срубить хотя одно дерево, то его духи или съ ума сведутъ, или изогнутъ, или уморятъ. Духи „Лутъ“ бывають мужскаго и женскаго пола, женятся и родятъ дѣтей. Они являютъ вотякамъ въ человѣческомъ образѣ, — въ образѣ татаръ и явленіе ихъ иногда приноситъ въ домъ болѣзни, а иногда и исцѣленіе отъ нихъ. Такъ одинъ старикъ очевидецъ мнѣ рассказывалъ: „былъ я сильно нездоровъ; вотъ около полуночи входятъ въ избу двое: мужчина и женщина татары; женщина стоитъ у двери, а женщина у печи и развѣшиваетъ шаль. Дверь была заперта. Я спросилъ, что имъ нужно? Они не отвѣчаютъ, а только между собою разговариваютъ. Я позвалъ отца и сказалъ ему, что у насъ въ избѣ татары; онъ не повѣрилъ и говоритъ, что я брежу. Я сильно испугался и жду, скоро ли пропасть пѣтухъ, — авось уйдутъ татары... Вотъ и пѣтухъ пропѣлъ, а татары все еще стоятъ и разговариваютъ.

Стояли они, такимъ образомъ, до бѣлаго разсвѣта. Вдругъ я слышу, кто-то идетъ по лѣстницѣ въ избу, идетъ и сильно топаетъ новыми сапогами, подходитъ къ двери и немного отворяетъ ее, но не входитъ и, поговоривши тихонько съ татаринѣмъ, что въ избѣ, уходитъ. Спустя немного,—опять топотъ по лѣстницѣ, опять дверь немного отворяется, опять разговоръ. Я не выдержалъ, взявъ топоръ и, вышибивъ рамѣ окна, выскочилъ на дворъ и бросился бѣжать къ клѣтѣ, гдѣ работалъ мой братъ; вскорѣ послѣ меня убѣжали и трое татаръ, которыхъ видѣлъ и братъ мой. На другой день, когда въ избѣ никого не было, я слышу кто-то зоветъ меня: „Василій (такъ зовутъ вотяка), иди сюда!“ Я отвѣчаю, что не могу встать отъ болѣзни. Голосъ говоритъ: иди, знай, сможешь! Я взялъ войлокъ съ подушкою, вышелъ въ сѣни и легъ на полу. Ты иди сюда! сказалъ голосъ съ подволоки; я говорю, что по ровному мѣсту ходить не могу, а по лѣстницѣ какъ полѣзу? Иди, взлѣзешь! отвѣчалъ голосъ. Я полѣзъ и вижу: стоитъ татаринъ, прислонившись спиною къ трубѣ, около него женщина, а напротивъ молодая съ ребенкомъ, видно, сноха его. И говоритъ мнѣ татаринъ: „ну, Василій, ты видно не боишься насъ,—пришелъ сюда; знай же, что на свѣтѣ всего больше Богъ (Иньмаръ), а потомъ мы. Сказавши это, они стали невидимы.... Я слышалъ только, какъ они съ шумомъ, какъ вѣтеръ, вылетѣли сквозь крышу. Съ той поры я выздоровѣлъ“ заключилъ вотякъ.

Кромѣ того вотяки вѣрятъ въ домового, хлѣвнаго, лѣснаго и водянаго. Домовой есть духъ, сохраняющій весь домъ и устраняющій все худое отъ него. Онъ почти никогда никому не является; а если онъ явится, то это будетъ значить, что умретъ кто-нибудь, или будетъ какое нибудь большое несчастіе въ домѣ. Является онъ въ образѣ домохозяина, такъ что нельзя отличить его отъ хозяина дома. — Хлѣвной хранитъ только скотину, кормитъ ее, прогоняетъ отъ нея чужаго хлѣвнаго, который приходитъ иногда воровать

кормъ для своей скотины. Ходить онъ тоже въ образѣ челоуѣка.—Водяной, по вѣрованію вотяковъ, хранитъ водяную птицу и имѣется также у каждаго домохозяина. Не слышно, чтобы онъ кому либо являлся, но предполагають, что и онъ можетъ являться въ образѣ челоуѣка. — Лѣсной—это духъ, котораго никто никогда не видалъ. Онъ особеннаго вреда не приноситъ людямъ, а только шутитъ надъ ними, сбивая съ дороги. Въ лѣсу, по вѣрованію вотяковъ, много было разныхъ породъ духовъ, но они все перевелись вмѣстѣ съ лѣсами, да и Богъ ихъ нынѣ уничтожаетъ.—Всѣмъ этимъ духамъ отдается полубожеское почтеніе. Кромѣ того, пользуются особеннымъ почитаніемъ у вотяковъ нѣкоторыя мѣста на основаніи существующихъ относительно ихъ преданій.

Для болѣе нагляднаго представленія религіозно-нравственнаго состоянія крещеныхъ вотяковъ казанскаго уѣзда и ихъ сосѣдей я постараюсь изложить ихъ жизнь и обычаи.

По рожденіи младенца, еще въ банѣ старуха-бабка даетъ новорожденному, такъ называемое, банное имя, каковымъ и именуется младенецъ до крещенія. Съ этимъ именемъ иногда остается младенецъ и послѣ крещенія; но это бываетъ только до тѣхъ поръ, пока младенцы не живутъ въ домѣ, т. е. когда подозрѣвають, что *Лутъ* сердится на христіанское имя и моритъ дѣтей. — На другой день, по рожденіи, созываютъ родственницъ и сосѣдокъ, которыя приходятъ, неся гостинецъ роженицѣ: хлѣбъ, лепѣшки, блины, кумышку и проч. Хозяева же припасаютъ къ этому времени бѣлый хлѣбъ и чашку скоромнаго масла. По собраніи всѣхъ званыхъ, хозяинъ дома—отецъ новорожденнаго беретъ хлѣбъ съ масломъ, въ которое все присутствующіе кладутъ по монеткѣ, въ 1, 2, 3 и 5 копѣекъ каждый и, зажегши восковую свѣчу предъ иконою, начинаютъ, вмѣстѣ съ пришедшими, совершать молитву, испрашивая у Бога здоровья для новорожденнаго и роженицы, богатства и хорошаго роста младенцу.

По совершении молитвы, ѣдят принесенное масло и угощаются кумышкою, послѣ чего расходятся по домамъ. Совершеніе молитвы съ хлѣбомъ, масломъ и деньгами выражаетъ желаніе жизни полной—привольной для новорожденнаго. Молитва вотяковъ всегда выражается поклонами пояными и земными съ крестнымъ знаменіемъ, а иногда и безъ онаго.

По поводу приноса гостинцевъ сосѣдками роженицѣ не могу не упомянуть объ обычаяхъ русскихъ женщинъ носить роженицѣ „зубокъ“, состоящій изъ пирога или хлѣба, пряниковъ, иногда утки, гуся, водки и проч. Вѣроятно и этотъ русскій обычай перешелъ къ христіанамъ изъ язычества. — Крещеніе младенцевъ у вотяковъ бываетъ спустя недѣлю, двѣ, а иногда и болѣе, когда оправится мать, которая сама привозитъ въ село ребенка. Возвратившись изъ церкви, родители устроятъ маленькую пирушку для кумовьевъ и тѣмъ заканчиваютъ обряды для новорожденныхъ.

Въ дѣлѣ воспитанія дѣтей у вотяковъ особенныхъ обычаевъ не замѣчается, кромѣ разныхъ предосторожностей отъ „глаза“, въ который они сильно вѣрятъ. Если ребенокъ растетъ слишкомъ тощимъ, то, по совѣту *туночи* (ворожеи), привѣшиваютъ ему на шею вмѣстѣ съ крестомъ кусочекъ олова, которое, по ихъ мнѣнію, спасаетъ отъ глаза. Если ребенокъ запнувшись упадетъ гдѣ либо и это замѣтитъ мать, то сейчасъ же беретъ ковшъ воды и, покруживши ее надъ головою упавшаго, выливаетъ на мѣсто паденія, чтобы не случилось приключенія, т. е. какого либо поврежденія ребенка. Къ вѣрованію вотяковъ въ „худой глазъ“ не лишнимъ считаю прибавить, что кромѣ олова они сильно вѣрятъ въ предохранительную силу отъ глаза можжевельнаго дерева, которое, по ихъ вѣрованію, прогоняетъ даже бѣсовъ. Поэтому весьма нерѣдко можно встрѣтить не только у людей всѣхъ возрастовъ, но и на шеѣ у животныхъ привѣшенные кусочки этого дерева. Цѣлыми вѣтвями втыкаютъ вотяки можжевельникъ въ стѣны дома, чтобы ни чортъ не ходилъ, ни худой глазъ не приставалъ.

Когда настанетъ время женить сына, отецъ, по согласію съ нимъ, ѣдетъ въ деревню для испрошенія согласія со стороны родителей невесты на выдачу дочери въ замужество за его сына. Это дѣлается такъ: отецъ жениха вѣзжастъ къ своему родственнику или знакомому и посылаетъ его къ тому, у кого намѣренъ сватать, для испрошенія согласія на выдачу дочери. Если его получаютъ, то, не заходя еще къ будущему свату, возвращается домой и только недѣли черезъ двѣ, взявши гостинецъ для свата: хлѣбъ, медъ и т. п. ѣдетъ и, ставши опять на прежнюю квартиру, идетъ вмѣстѣ съ хозяиномъ ея къ свату. Поздоровавшись съ нимъ и немного попировавши, встаютъ съ мѣстъ всѣ. Отецъ жениха принимаетъ гостинецъ, встаетъ на молитву предъ иконою и молить Бога о подаваніи благословенія на начинаемое дѣло. Между тѣмъ хозяева варятъ кашу, кладутъ ее въ чашки и ставятъ на столъ, на который невеста кладетъ также подарки для жениха и его отца. Подарки эти состоятъ изъ полотенца, кушака и платка. Отецъ жениха кладетъ въ свою очередь денегъ рубль или два. Затѣмъ опять начинается молитва. Взявши всякъ свои подарки въ руки, встаютъ предъ иконою и просятъ у Бога счастья и благополучія помолвленнымъ, а затѣмъ гостинецъ жениха и кашу хозяина, ѣдятъ вмѣстѣ съ приглашенными на этотъ разъ сосѣдями.

Послѣ этого у сватьевъ не бываетъ свиданія до дня взятія невесты къ вѣнцу. Последнее бываетъ такъ: въ назначенный день отецъ жениха съ другими сыновьями (безъ жениха) и нѣкоторыми родственниками, въ числѣ которыхъ одна дѣвушка, намѣревающаяся быть провожатой невесты, ѣдутъ за невестою. Пріѣхавши въ село или деревню, гдѣ живетъ невеста, останавливаются на прежней квартирѣ, откуда, поподчивавшись немного, идутъ къ свату и тутъ угощаются. Послѣ угощенія отецъ невесты даритъ какъ пріѣхавшихъ за нею, такъ и всѣхъ вообще приглашенныхъ на пиръ. Подарки эти состоятъ изъ полотенца, рубахи, петановъ, де-

нежнаго мѣшечка и проч. Отецъ же жениха въ свою очередь даетъ свату въ счетъ калыма сколько нибудь денегъ: отъ 1 до 3 руб. При этомъ нужно замѣтить, что невѣста во все время пира не присутствуетъ въ комнатѣ, а сидитъ съ подругами въ лачугѣ (родъ холоднаго анбара) и оплакиваетъ свое дѣвичье житье.

Гости, угостившись вдоволь, выходятъ на дворъ, садятся въ телѣги и ожидаютъ прибытія невѣсты. Последнюю въ это время родители выводятъ изъ лачуги и водятъ по всеѣмъ домашнимъ постройкамъ: анбарамъ, хлѣвамъ и проч. Невѣста, прощаясь съ ними, кланяется имъ до земли. Потомъ, обведши ее кругомъ приготовленной для нея телѣги до трехъ разъ, сажаютъ невѣсту на нее. Если приходская церковь далеко, ~~то въѣзжаютъ въ домъ жениха (?).~~ Если же ~~въѣзжать~~ ^{въѣзжать} ~~назначено~~ ^{назначено} ~~быть въ церкви,~~ то женихъ обыкновенно ожидаетъ невѣсту на дорогѣ въ назначенномъ мѣстѣ, куда онъ прѣзжаетъ въ назначенное время верхомъ. Здѣсь они садятся вмѣстѣ съ невѣстою на одну телѣгу и ѣдутъ въ церковь. Обвѣнчавшись и вышедши изъ церкви, всѣ отправляются въ кабакъ или посылаютъ одного кого нибудь за водкою, ~~и остальные~~ ^{и остальные} отправляются въ домъ жениха.

По прѣздѣ на дворъ, новобрачныхъ встрѣчаютъ отецъ и мать жениха, держа въ рукахъ хлѣбъ и тарелку съ масломъ. Новобрачныхъ высаживаютъ и, обратившись къ югу, совершаютъ молитву, прося у Бога хорошей, богатой и согласной жизни для новобрачныхъ. Затѣмъ вводятъ ихъ въ клѣть и оставляютъ тамъ до вечера. Вечеромъ топятъ баню, гдѣ новобрачные моются и возвращаются опять въ клѣть. Здѣсь ожидаютъ ихъ три сосѣднія женщины, которыя, помолившись Богу, надѣваютъ на молодую *ошьянз* (головной уборъ женщины) и ведутъ новобрачныхъ въ домъ. Предъ разсвѣтомъ новобрачныхъ снова отправляютъ въ клѣть. Здѣсь родители съ хлѣбомъ и масломъ въ рукахъ совершаютъ молитву, даютъ новобрачнымъ по куску хлѣба съ масломъ и оставляютъ ихъ тутъ до слѣдую-

шаго утра. Утромъ приглашаютъ сосѣдей, вводятъ въ домъ новобрачныхъ и дѣлаютъ пирушку. Если новобрачная пришла къ мужу по душѣ, то готовится сыта (медъ съ водою) и угощаютъ ею гостей, которые, испивши немного, кладутъ въ стаканъ деньги отъ 2 до 5 коп. и деньги эти отдаютъ новобрачной. Этимъ и оканчивается свадебное торжество.—Спустя недѣли три, родители молодой прѣзжаютъ къ свату, у котораго гостятъ дня два.

Вотьяцкія свадьбы обыкновенно бываютъ векорѣ послѣ Петрова дня. Въ осенній деревенскій праздникъ родители жениха съ снохою отправляются къ свату въ гости и пируютъ у него до двухъ дней. Потомъ, оставивши сноху у ея родителей, возвращаются домой, получивши отъ свата въ подарокъ: овцу, козу, гуся и утку. Новобрачная гоститъ у родителей до масляницы. Въ это время она не носитъ *отъяна*, такъ какъ не было еще главнаго свадебнаго торжества. *Чуанъ*—окончательное и важнѣйшее свадебное торжество—совершается на масляницѣ. Оно бываетъ такъ: молодой мужъ снаряжаетъ поѣздъ въ 5—7 паръ лошадей и посылаетъ отца своего, братьевъ и родныхъ за своею женою. Поѣздъ отправляется въ деревню и останавливается не у свата, а опять на прежней квартирѣ. Отсюда отецъ новобрачнаго отправляется къ свату и вручаетъ ему остатки калыма. Относительно калыма вотяки не рядятся, а даютъ сообразно количеству одеждъ невесты. Этимъ вотяцкій калымъ отличается отъ татарскаго. По полученіи калыма, свать посылаетъ за поѣзжанами, но самъ ихъ не встрѣчаетъ. Поѣзжане въѣзжаютъ на дворъ, воруютъ у хозяина дрова, разводятъ среди двора жарникъ, стоятъ предъ нимъ и грѣются до приглашенія ихъ сватомъ въ комнату. Наконецъ выходитъ свать и проситъ ихъ войти. Поѣзжане входятъ и, не заходя далѣе матицы (первой половины избы), останавливаются. Здѣсь, стоя, они выпиваютъ по стакану кумышки и пива, а потомъ уже приглашаются сѣсть за столъ. Послѣ этого поѣзжане пируютъ около трехъ

дней. но не у' свата только. а во всякомъ домѣ деревни, куда поведетъ ихъ свать. Затѣмъ, взявши новобрачную, возвращаются домой. Этимъ совершенно заканчивается свадебное торжество. Къ этому остается добавить еще то, что новобрачная не говоритъ съ отцомъ своего мужа цѣлый годъ, чтобы онъ не слышалъ ея голоса. Когда отецъ мужа дастъ ей денегъ около 20—50 коп., тогда онъ пользуется правомъ слышать голосъ ея. Обычай этотъ, мнѣ кажется, перешелъ къ вотякамъ отъ татаръ, у которыхъ бываетъ подобное. Не лишнимъ считаю замѣтить еще то, что вотяцкіе женихи не дорожатъ нравственностію дѣвушекъ. Чѣмъ больше молодежи ухаживаетъ за дѣвушкой, тѣмъ больше надежды на скорый выходъ ея замужъ. Поэтому нерѣдко приходится вѣнчать беременныхъ.

Домашній бытъ вотяка не представляетъ ничего особеннаго. Обстановка въ домѣ болѣе похожа на татарскую. Какъ у татаръ, тѣже нары съ периною и подушками въ переднемъ углу. Собака составляетъ необходимую принадлежность избы. Разница вотяцкой обстановки отъ татарской заключается въ томъ, что въ избѣ всегда имѣется икона надъ окномъ, выходящимъ на дворъ, и столъ. На столѣ всегда находится хлѣбъ и ножъ. Всякій входящій можетъ рѣзать и ѣсть хлѣбъ. Этотъ обычай завѣщанъ вотякамъ предками. „Лучше будетъ Богъ урожай давать“, говорятъ они въ оправданіе своего обычая. Замѣчательно, что соль у вотяка никогда не является на столѣ и ни при какихъ обрядахъ. Въ случаѣ, если окажется недосоленнымъ какое либо кушанье, то приносятъ соль или въ ложкѣ или просто шепотью.

Въ семействѣ у вотяка всѣ подчинены старшему въ домѣ: будь это отецъ или братъ. Этотъ старшій въ домѣ заправляетъ домою и совершаетъ молитвы.—Молитвы у вотяковъ бываютъ домашнія и общественныя. Домашнія молитвы, кромѣ молитвъ предъ и послѣ вкушенія пици, у нихъ состоятъ изъ разныхъ *кисътоиз* (жертвоприношеній) по случаю болѣзни члена семей-

ства, по случаю наступающаго праздника, весною и осенью. Предъ вкушеніемъ пищи молитву выражаютъ они просто пояснымъ поклономъ или крестнымъ знаменіемъ, въ томъ и другомъ случаѣ обратившись къ иконѣ. По случаю болѣзни когонибудь изъ семьи, предварительно идутъ къ *туночи* (ворожеѣ), которую допрашиваютъ, „отъ чего приключилась болѣзнь, кто разгнѣвался на больного“. Отъ туночи получается наставленіе, „что принести въ жертву: гуся ли, утку ли и какой масти“. Вручивши ворожеѣ нѣсколько копѣекъ за это, идутъ исполнять наставленіе. Жертва приносится въ лачугѣ (мѣстѣ, въ которомъ лѣтомъ варятъ пинцу). Зарѣзавши, напримѣръ, хоть утку, старшій въ домѣ беретъ въ руки хлѣбъ и молится, стоя надъ жертвою, о дарованіи здоровья больному. По совершеніи молитвы варятъ жертву и ѣдятъ всею семьей. При совершеніи этой молитвы иконъ и свѣчей не бываетъ, а молятся, обратившись лицомъ къ югу.—Подобнаго рода жертвы бывають въ осенній праздникъ предъ открытіемъ пира. Для этой жертвы закаляютъ утку или гуся не въ лачугѣ, а на гумнѣ, около кладей хлѣба. Это дѣлается такъ: хозяинъ дома беретъ птицу и ножъ, а хозяйка или кто другой беретъ коровай хлѣба и отправляются на гумно, гдѣ, заклавши жертву, хозяинъ беретъ въ руки хлѣбъ и начинаетъ надъ жертвою молитву. Въ молитвѣ онъ благодаритъ за дарованный урожай и проситъ его на будущее время о томъ же, проситъ богатства дому и здоровья скоту. Затѣмъ часть крови жертвеннаго животнаго сжигаютъ на принесенныхъ въ горникѣ угляхъ и возвращаются домой. Кровь животныхъ вообще не выливается, а употребляется вотяками въ пищу.—Возвратившись съ мѣста жертвоприношенія, варятъ жертву, а въ бульонѣ ея кашу. Ѣдятъ все это, запивая кумышкою. Этимъ открываютъ праздничный пиръ. Такое же жертвоприношеніе бываетъ на пасхальной недѣлѣ, которое называетъ „жертвою травы“. Оно совершается всею роднею въ деревнѣ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Посылаются молодыя дѣвушки соби-

рать крупу на общую кашу, которую, набравши, отдают старшему въ родѣ. Последний, приготовивши жертву, отдаетъ распоряженіе варить кашу. Когда каша поспѣетъ, собираются съ каждаго дома по человѣку (всегда мужчины), неся съ собою пиво и кумышку, накладываютъ кашу всякъ въ свою чашку и идутъ въ комнату. Здѣсь все встаютъ предъ иконою съ зажженною свѣчею и начинаютъ молиться о дарованіи хорошей травы для сѣна. Молятся они, соединяя молитву съ поясными и земными поклонами и почти постоянно осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ. По окончаніи молитвы, ѣдятъ кашу и жертву и пьютъ пиво съ кумышкою. Это жертвоприношеніе бываетъ въ тотъ день, въ который духовенство побываетъ съ иконами, послѣ проводъ его. Осенью семьями приносятъ жертву на рѣкѣ въ умилостивленіе водянаго, дабы кто не утонулъ и не заболѣлъ простудою; при этомъ умоляютъ водянаго о сохраненіи гусей и утокъ и объ умноженіи ихъ. Въ жертву приносится гусь или утка. Молятся и ѣдятъ жертву на мѣстѣ—на рѣкѣ, удѣляя часть жертвы водяному, бросивъ ее въ воду. Чувствованіе домового и хлѣвнаго состоитъ въ томъ, что варятъ кашу и отложивъ ложки двѣ или три домовому въ подполь, а хлѣвному въ хлѣвъ, приговариваютъ: „будь здоровъ и силенъ, прогоняй чужаго, береги скотину и отгоняй все вредное отъ дома“. Затѣмъ ѣдятъ кашу семьей. Это бываетъ также осенью.

Теперь скажемъ объ общественной молитвѣ вояковъ *Луту* (керемети). Жертвоприношеніе *Луту* совершается, по ихъ мнѣнію въ священныхъ рощахъ или только около нѣкоторыхъ старыхъ деревьевъ, называемыхъ *Лутъ*. Въ послѣднее время во многихъ мѣстахъ „*Лутъ*“ вырублены русскими. Въ такомъ случаѣ жертва приносится на томъ мѣстѣ, гдѣ находилась *Лутъ*.—Жертвоприношеніе это бываетъ около Петрова дня, а иногда въ между-парье и состоитъ въ слѣдующемъ. Со всей деревни собирается крупа на кашу и деньги на жертву, для которой покупаются двѣ овцы,

бѣлая и черная. Когда все это бываетъ готово, собираются, изъ каждаго дома по одному, мужчины, болѣе старики. Самый старѣйшій въ деревнѣ закаляетъ животныхъ, очищаютъ ихъ и варятъ въ нарочито приготовленныхъ для сего двухъ котлахъ, такъ что черная и бѣлая овцы варятся въ разныхъ котлахъ. Когда жертва сварится, въ бульонъ сыплютъ крупу и варятъ кашу. Когда она поспѣетъ, всякій откладываетъ въ свою чашку каши и начинаютъ молиться, обратившись лицомъ къ югу, безъ крестнаго знаменія. Молитва состоитъ въ испрошеніи избавленія отъ града, бурь, болѣзней на людей и скотъ и вообще отъ всякаго зла. Постѣ молитвы ѣдятъ кашу и жертву, а остатки уносятъ домой для остальныхъ членовъ семейства. Кожа съ животныхъ возвращается владѣльцамъ ихъ. Этимъ жертвоприношеніе *Луту* оканчивается. Приносится жертва *Луту* и отдѣльными семействами, когда кто заболѣетъ сумасшествіемъ (горячкою). Въ этомъ случаѣ приносятъ только гуся или утку, смотря по силѣ болѣзни и состоянію приносящаго.

Кромѣ этой общественной молитвы еще бываетъ молитва болѣе общественная, въ которой участвуютъ жители нѣсколькихъ деревень. Молитва эта совершается въ болѣе священныхъ мѣстахъ, чѣмъ *Лутъ* и мѣста эти находятся не при каждой деревнѣ, а составляетъ одно почитаемое мѣсто на цѣлый уѣздъ или даже болѣе, чѣмъ на цѣлый уѣздъ. Таковое мѣсто имѣется въ апазовскомъ приходѣ между деревнями Большая Лызи и Эракъ-Чурмою. Мѣсто это—огромное круглое озеро на горѣ, окруженное высокими берегами, поросшими лѣсомъ, не имѣющее ни притока, ни истока, съ темнаго цвѣта водою, и носящее поэтому названіе „Чернаго озера“. Оно ужасно глубоко и не имѣетъ никакой рыбы. Озеро это не только на язычника, но и на христіанина своєю таинственностію производитъ особенное впечатлѣніе. Мнѣ случалось быть около него въ тихую и ясную погоду. Его берега, поросшіе лѣсомъ, совершенно безжизненная поверхность воды, несприятно дѣй-

ствують на дупу. Тѣмъ большее можетъ оно производить впечатлѣніе на вотяковъ полуязычниковъ, между которыми существуютъ относительно его разныя преданія. Вотъ одно изъ нихъ.

По разсказамъ стариковъ, 100 или 120 лѣтъ тому назадъ это озеро находилось при сибирскомъ тракѣ, около деревни Малыя Лызи, въ одной верстѣ отъ которой указываютъ мѣсто, похожее на заросшее болото. Ушло же оно отсюда будтобы потому, что когда открытъ былъ сибирскій трактъ и начали по нему проходить арестанты, то многіе изъ нихъ стали мыть въ немъ свое нечистое бѣлье. Обидно показалось озеру такое униженіе его священной воды. Вотъ является изъ него нѣсколько солдатъ и приготавливаютъ ему мѣсто на горѣ въ верстахъ двухъ отъ дороги. Въ одну ночь всколыхалось озеро, изъ него выходятъ черные быки, вода трогается съ мѣста и съ шумомъ отъ волнъ, влѣдствіе неровности мѣста, въ сопровожденіи множества солдатъ (водныхъ) и огромнаго стада черныхъ быковъ переходить на то мѣсто, гдѣ оно и находится теперь. Переходить озеру пришлось чрезъ довольно большую рѣку Шошму. Когда оно дошло до этой рѣки, быки подняли ревъ отъ неудобства переходить чрезъ воду. Услышавъ ревъ, рѣка раздѣлилась на двое и озеро съ солдатами и быками перешло по сухому дну, такъ что вода озера не смѣшалась съ водою рѣки. Быки, сопровождающіе озеро, были принесены въ жертву озеру древними его поклонниками.—Къ этому нужно добавить, что многіе вотяки, по открытіи сибирскаго тракта, ушли въ лѣсъ версты на 2—3 отъ дороги, чтобы не одолевали ихъ постоемъ солдаты и арестанты. Эти вотяки населяютъ теперь деревни Гондырево и Эракъ-Чурму. За ними вскорѣ ушло и озеро, но не потому, что въ его священной водѣ омывали нечистоты, а скорѣе потому, что стали уничтожать во кругъ его лѣса, влѣдствіе чего оно слѣбалось открытымъ, между тѣмъ какъ озеро ~~должно~~ ~~было~~ ~~быть~~ ~~закрытымъ~~ ~~мѣста~~.

Жертвоприношеніе при этомъ озерѣ бываетъ не ежегодно, а три года ~~въ~~ ^{въ} разъ. Оно совершается въ

предупрежденіе бурь и градобитій, которыя всегда бываютъ, если озеру не будетъ принесена жертва. Жертва всегда состоитъ изъ чернаго быка. Она приносится такимъ образомъ. Въ четвергъ или въ субботу (дни, въ которые обыкновенно у вотяковъ бываютъ моленія), по мысли какого либо старика, посылаются по ближайшимъ деревнямъ вѣстовые, которые собираютъ деньги на жертву и крупу для каши, а также приглашаютъ стариковъ на молитву (на которую нынѣ собираются не съ каждаго дома по человѣку, а по нѣскольку стариковъ съ деревни). Старшій изъ собравшихся закаляетъ жертву, прочіе—приготавливаютъ кашу. Затѣмъ молятся, обратившись лицомъ къ озеру. Въ молитвѣ просятъ объ удаленіи общественныхъ несчастій или только тѣхъ, по случаю которыхъ приносится жертва. Послѣ молитвы ѣдятъ жертву и кашу всю на мѣстѣ, гдѣ оставляютъ и кости. Поэтому на берегахъ озера встрѣчаются кости животныхъ.

Вотъ—всѣ тѣ жертвоприношенія вотяковъ и все относящееся къ ихъ языческой религіи, насколько все это извѣстно мнѣ.

Постовъ вотяки вовсе не соблюдаютъ, исключая взрослыхъ, которые постятся на первой и послѣдней недѣляхъ великаго поста. Изъ христіанскихъ праздниковъ вотяки особенно почитаютъ Пасху, Крещеніе и осенній деревенскій праздникъ (въ апазовскомъ приходѣ осенній праздникъ Казанской иконы Божіей матери). Послѣдній праздникъ, какъ я уже замѣтилъ, вотяки отправляютъ, примѣшивая къ нему языческіе обряды. Особенно много вотяковъ бываетъ въ церкви на праздникъ Крещенія. Церковь наполняется молодежью обою пола и каждый изъ вотяковъ старается самъ лично поставить свѣчу къ иконѣ. По выходѣ изъ церкви вотяки посѣщаютъ священно-служителей и своихъ знакомыхъ, которые приготавливаютъ для этого случая пиво и даже водку. Ходятъ они при этомъ обыкновенно толпами со двора на дворъ, такъ что у одного духовенства перебываетъ ихъ въ день отъ 100 до 150 человѣкъ.

Воскресенье празднують немногие; большая часть вотяковъ празднуетъ пятницу. Они готовы праздновать воскресенье, но боятся *Лута*, который за это наказалъ однажды сильнымъ градобитіемъ. Масляницу они празднуютъ, начиная съ среды или четверга и кончая таковымъ же днемъ первой недѣли великаго поста.— Праздникъ пасхи начинается у нихъ поминками (о которыхъ рѣчь впереди) въ среду страстной недѣли и кончается проводами иконъ и духовенства, а затѣмъ родовою молитвою, о которой сказано выше.

Такова религіозно-нравственная жизнь вотяка до самаго конца ея. И при концѣ жизни не прекращаются языческіе обряды у вотяковъ.

Какъ я уже сказалъ, если случится кому либо сдѣлаться больнымъ, то идутъ прежде всего къ туночи. Подомъ, по совѣту ея, приносятъ жертву. Если жертва не помогаетъ и больной не выздоравливаетъ, то ѣдутъ за священникомъ для напутствования больнаго. Когда больной умираетъ, собираются родные и сосѣди. Старики обмываютъ умершаго, если послѣдній былъ мужчина, а молодежь дѣлаютъ гробъ на улицѣ. Когда гробъ бываетъ готовъ, то кладутъ въ него умершаго, одѣтаго въ кафтанъ съ шапкою на головѣ. Въ гробъ съ нимъ кладутъ гребенку, трубку или табакерку, если покойникъ курилъ или нюхалъ, и кочедыкъ. Лыки оставляются покойнику тѣ, на которыхъ спускаютъ гробъ въ могилу. По отпѣваніи покойника, его везутъ на кладбище и спускаютъ въ могилу, вырытую по направленію отъ сѣвера къ югу: головою кладутъ къ югу. Одежду, въ которой умеръ человѣкъ, и щепы отъ гроба бросаютъ гдѣ либо на горѣ, чтобы не топтали люди; въ противномъ случаѣ къ человѣку привязывается болѣзнь ногъ. Пока совершаются похороны, въ домѣ готовится баня для погребальщиковъ, пекутся блины и закаляютъ пѣтуха, если умершій былъ мужчина, и курицу если умершая была женщина. Возвратившіеся съ кладбища моются въ банѣ, послѣ чего входятъ въ избу поминать умершаго. Прежде всего каждый отламываетъ по кусочку блина, курицы и проч. и кладетъ въ

поставленную около печи худую чашку съ приставленною къ ней восковою свѣчею, назначенную для покойника, приговаривая слѣдующее: „прежде поѣшь, а потомъ уходи, да не далеко; береги нашъ домъ, сохраняй и паси скотину, чтобы она не заблудилась“. Затѣмъ садятся и ѣдятъ приготовленное. Молитвъ по умершемъ вотяки никогда не совершаютъ и поминки ограничиваются только ѣдою и питьемъ. Послѣ ѣды, положенное въ чашку для покойника бросаютъ собакамъ.

Такія же поминки бываютъ на другой, девятый, сороковой и годовой дни съ тѣмъ только различіемъ, что кормить и поить покойника ходятъ еще на могилу. Не такъ обязательны для вотяка поминки во 2-й, 9-й и 40-й дни, какъ въ годовой, потому что, по ихъ вѣрованію, если не сдѣлаютъ поминокъ въ годовой день, то умершіе не дадутъ мѣста среди себя новопреставляемому и оставляютъ его ходить около деревень, какъ онъ ходилъ въ теченіи года. Вообще вотяки вѣруютъ въ близкое отношеніе мертвыхъ къ живымъ. По ихъ убѣжденію, нельзя жить, не сдѣлавши поминокъ по усопшемъ, такъ какъ, если не будутъ сдѣланы поминки, умершіе сердятся, прячутъ домашнюю скотину отъ глазъ хозяина и возвращаютъ скотъ домой, когда поминаютъ покойниковъ. — Вотяки дѣлаютъ поминки въ годъ два раза: осенью, послѣ праздника и весною, на страстной недѣлѣ; нѣкоторые еще дѣлаютъ поминки на троицкой недѣлѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ уговариваются дѣлать поминки цѣлою деревнею или, по крайней мѣрѣ, всею роднею; для этого варятъ пиво и кумышку, пекутъ блины и, собравшись къ старшему въ деревнѣ и въ роднѣ, начинаютъ поминки, которыя продолжаются въ теченіи 3 и 4 дней, съ переходомъ изъ дома въ домъ. На поминкахъ часть кушаній выдѣляется для умершихъ, какъ было сказано выше.

Священникъ села Алазова Александръ Миропольскій.